

*Маховская И.
(Беларусь)*

СЕМАНТИКА РИТУАЛОВ, СВЯЗАННЫХ С РОЖДЕНИЕМ РЕБЕНКА

Процесс родов, не вполне объяснимый для первобытного сознания, породил в душе человека естественное чувство страха. Страх, прежде всего, перед потусторонними силами, поскольку именно с «того» света приходит новая человеческая душа. Чувство страха за жизнь роженицы, окружающих ее людей за свою жизнь, поскольку болезненное состояние роженицы может оказаться заразительным, вызвало к жизни великое множество обрядов, ритуалов, поверий и примет, относящихся к родам. Их придерживались тщательно и передавали из поколения в поколение.

Обычай скрывать от посторонних известие о начавшихся родах имеет, прежде всего, рациональную основу. Он призван обеспечить моральный покой роженицы и сохранить для некоторых половозрастных групп тайну родов. Но более древним представляется объяснение, связанное с воззрением на роженицу как на существо нечистое, приближение и контакт с которым опасен для окружающих. С другой стороны, положение роженицы весьма непрочное и более всего подвержено влиянию вредоносных сил, это требовало оградить ее от любого контакта с посторонним человеком или животным, так как это может нанести вред здоровью ее и ребенка.

Обычно при родах роженице помогала повивальная бабка. Действия, предпринимавшие повитухой для успешного течения родов, насыщены различными предохранительными элементами древ-

нейшего происхождения. Обилие предохранительных элементов, страх перед пограничной ситуацией, коей являются роды, способствовали тому, что на момент начала XX века обычаи и ритуалы, связанные с родами, сохранили в себе многие основные элементы древнего мировоззрения, благодаря чему мы можем проследить их происхождение и развитие.

Это представление о процессе рождения как о долгом и нелегком пути с «того света», который должна проделать душа, преодолев все препятствия, главным из которых является некий порог между двумя мирами. Для древнего мышления, оперирующего принципом тождества и повторения, стоит знак равенства между порогом, разделяющим мир, в котором он живет с потусторонним миром и порогом, разделяющим его дом (его «мир» в более узком смысле) с миром внешним. Мифологизируются как граница между мирами не только порог, носителями той же семантики являются двери, ворота, окна, печные трубы, то есть все входы и выходы дома. С одной стороны, это олицетворение смерти, с другой – воскресения и нового рождения. По словам О.М.Фрейденберг, «Открытие дверей» и «поднятие дверного верха» означает появление, прибытие небесного божества; снять ворота, как и разобрать стену, – значит раскрыть горизонт для триумфально шествующего бога-света. ...В

© Маховская И., 1999.

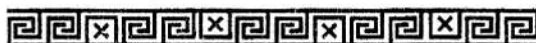
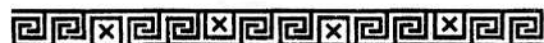
земледельческий период двери, ворота означают материнскую утробу и вульву, рождая, женщина отворяет и затворяет небесную дверь, — и потому-то Янус, бог двери, призывался при беременности и разрешал роды. В фольклоре женский рождающий орган — ворота, дитя — путник, акт рождения — поезд. Утроба матери при родах — это отпирающиеся небесные ворота, небо — мясной ларец, который мать-божество отмыкает». Известен русский заговор: «Пресвятая мати Богородица! Бери свои золотые ключи и отпирай у рабы Божией мясные ворота и выпускай младенца на свет!».

Эти представления ярко прослеживаются в действиях, которые должны способствовать появлению новой души из небытия. С началом родов следят, чтобы в доме не было запертых дверей, окон, открывались трубы в печах и крышки в сундуках, вынимались печные заслонки. Причем «удалялась преграда» не только с помощью предметов, непосредственно символизирующих границу, порог, но и с помощью всего, что могло ассоциироваться с преградой на пути. Расплетали косы, развязывали узлы на одежде, снимали кольца, даже самым маленьким детям в колысках расстегивали воротнички. Этот обычай характерен абсолютно для всех народов Восточной Европы. К этому же представлению, но положенному на христианскую почву относится очень распространенный у восточных славян обычай при трудных родах просить священника, чтобы он открыл царские ворота.

В Мозырском уезде бабка для быстрого завершения родов снимает с себя пояс, 3 раза обводит им вокруг живота роженицы и бросает на пол, где он остается лежать до конца родов. При трудных родах в Витебской губернии муж просит у священника церковный пояс для жены. В Харьковской губернии роженицу переводят через положенный на земле пустой мешок или пояс, такой

же обычай бытовал на украинском Полесье. Семантика пояса в народном мифотворчестве как символа дороги, пути через мифические и реальные преграды обусловила широкое его применение в обрядах перехода. Значение его двойственно. Как часть одежды, принимающая форму круга, пояс употребляется в качестве оберега, магического объекта. Вместе с тем снятие его символизировало приобщение к потустороннему миру, нечистой силе, недаром пояс снимали при поисках клада, при исполнении обрядов против эпидемий и падежа скота. С помощью пояса устанавливалась связь между «своим» и «чужим» пространством, в Смоленской губернии в новый дом хозяин входит первым, а пояс втягивает всех остальных членов семьи. Сходную семантику имеет ручник. На украинском Полесье привешивают к потолку ручник, в котором носили пасху, и роженица держится за него для уменьшения болей.

В славянских странах считали, что на скорейшее и успешное завершение родов способны повлиять некоторые действия, производимые с порогом. Роженице предлагали стучать пятками о порог избы; трижды переводили ее через порог. Семантика порога тесно связана с представлениями о домовом и культом предков — за порогом был не просто иной мир, но мир мертвых. В Карелии в особо сложных случаях женщину опускали на третью ступеньку, ведущую в подполье, так как в далеком прошлом под порогом или в подполье погребали старшую в роду женщину. Порог, печь считались излюбленными местами обитания домового, удар ногой о порог представлял собой молитвенное обращение к домовому, в ведении которого было здоровье всех домочадцев и домашнего скота, за помощью. Так же обращением за помощью к духу-покровителю семьи является некоторые другие обычаи. Белорусская повитуха при родах стучит метлой в потолок

избы, в Воронежской губернии перед родами женщина пила воду, смешанную с сажей из печной трубы.

Также обращением за помощью к духу-покровителю семьи являлись ритуалы, связанные со столом. Стол осмыслялся в образах высоты – неба, он являлся местопребыванием божества злака и плода, божества-животного. Позже символическое осмысление стола в народной традиции определялось повсеместным у славян его уподоблением церковному престолу. Славяне считали стол настолько важной частью дома, что без стола дом не хотели покупать. Местоположение стола было закреплено за красным углом, что является специфически восточнославянской чертой. Красный угол оформлялся как часть храма, и вести себя там надо было как в храме. Считалось грехом стучать по столу, помещать на него посторонние предметы, так как это место самого Бога.

Во многих восточнославянских обрядах известен ритуальный обход вокруг стола. Обряд обхождения стола женщиной во время родов имеет наиболее широкое распространение у русских и украинцев. В Вологодской, Саратовской, Тульской губернии роженица должна была ползать вокруг стола, крестясь и целуя его углы, ходить вокруг стола с зажженной венчальной свечой. В Пермской губернии бабка накрывала на стол, ставила хлеб, соль и брагу. Трижды обводила роженицу вокруг стола со словами: «Как скоро Раба Божия обойдет вокруг стола, так скоро и родит!». На Украине во время ритуального обхода стола на его углы насыпали соль, и роженица, обходя стол, должна была есть ее. У бойков ребенка после рождения клали на стол, чтобы его уважали также. Как видно, символика стола здесь соотносится с идеей пути, как сакральный центр жилища, стол – начальный и конечный пункт любого пути. Ритуальное обхождение роженицей во-

круг стола символизирует, имитирует путь, который проходит душа до рождения. Обхождение стола является приемом имитативной магии и призванным способствовать скорейшему рождению ребенка.

Народная мысль не считала родовые муки чем-то естественным. Трудно родившая женщина представлялась околдованной враждебными духами, поэтому основной задачей было привлечь к роженице благоволение высших покровителей. В исследуемый период, когда христианство укоренилось прочно и повсеместно, у восточных славян свидетельства прямого обращения к языческим богам во время родов не сохранились. Повсеместно обращались за помощью в родах к Божьей Матери – служили ей молебны, читали молитву «Сон пресвятой Богородицы», в некоторых местах рукопись с этой молитвой клали роженице под голову или за пазуху.

У русских был широко распространен обычай во время трудных родов обращаться за помощью к бабушке Соломониде, которая по апокрифическому преданию принимала Иисуса Христа. Читали следующий заговор: «Бабушка Соломонида, приложи рученьки рабе Божией» или «Пресвятая Богородица, отпусти матушку Соломону, не погнущайся грешной, помоги мне при родах». Среди святых помощниками роженицы считались Анна – пророчица, святые Варвара и Екатерина, Михаил Архангел и все апостолы. Иоанн Богослов считался помощником рожавших на дороге одиноких женщин.

Но, вероятнее всего, христианские покровители рожениц пришли на смену языческим. Свидетельство такой замены сохранилось у балтов. У балтов богиня счастья Лайма считалась помощницей и покровительницей рожениц. Существовало поверие, что если Лайма подстелит женщине во время родов простыню, то

роды будут легкими. Известен латышский заговор «У Лаймы кедровый пояс, полный маленькими ключами. Мне, Лаймушка, тот ключ, который легко отпирает» [5.134]. А вот другой латышский обычай: родители, входя в баню, бросают монету со словами: «Возьми, Марьюшка, золотые деньги, не бери моего дитяти». Здесь легко можно проследить процесс замены языческих покровителей христианскими – на смену языческой богине Лайме появляется христианская Богоматерь.

Повитуха никогда не принимала ребенка голыми руками. На Витебщине бабка оборачивала руки новой холстиной [18.10], девочку принимали в отцовские

штаны, чтобы ее любили парни, а мальчика – в сорочку матери, чтобы его любили девушки. В Астраханской губернии ребенка принимают в решето «в отвращение от напастей в его жизни». Решето в славянской мифопоэтической традиции символизировалось как уподобление небесному своду, наряду с некоторыми другими предметами домашней утвари решето воплощало идею богатства и плодородия, было связано с мотивами неба и солнца и употреблялось в ритуалах как оберег. Ритуал принятия ребенка в старую одежду или в решето был призван путем контактной магии обеспечить ему безбедное существование и благоволение высших сил.

¹ Байбури А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. – Л.: Наука, 1983. – С. 192.

² Балов А. Рождение с воспитание детей в Пошехонском уезде Ярославской губернии // ЭО. – 1890. – № 3. – С. 90–115.

³ Бойківщина. – К.: Наук. думка, 1983. – С. 304.

⁴ Вишняускайте А.И. Литовская крестьянская семья в прошлом и настоящем // ТИЭ. – Новая серия. – 1954. – Т. 23. – С. 66–77.

⁵ Вольтер Э. Материалы для этнографии латышского племени Витебской губернии. – СПб., 1890. – Ч. 1. – С. 125–148.

⁶ Гаврилюк Н.К. Картографирование явлений духовной культуры (по материалам родильной обрядности украинцев). – К.: Наук. думка, 1981. – С. 280.

⁷ Горбач А.Д. Рысы старога быту у жыцці беларускіх сялянак // Наш край. – 1929. – № 3. – С. 46–52.

⁸ Демич В.Ф. Очерки русской народной медицины. 1. Акушерство // Врач. – 1889. – Т. X. – С. 251–252, 270–272.

⁹ Зеленин Д.К. Описание рукописей ученого архива Императорского Русского Географического Общества. – Пг., 1914. – Вып. 1. – С. 484; 1915. – Вып. 2. – С. 988.

¹⁰ Иванов П. Этнографические материалы, собранные в Купянском уезде Харьковской губернии // ЭО. – 1897. – № 1–2. – С. 22–82.

¹¹ Карелы Карельской АССР. – Петрозаводск, 1983. – С. 288.

¹² Карский Е.Ф. Белорусы. – М., 1916. – Т. 3: Народная поэзия. – Ч. 1. – С. 558.

¹³ Киркор А.К. Этнографический взгляд на Виленскую губернию // Этнографический сборник. – 1858. – Вып. 3. – С. 115–276.

¹⁴ Клементьев Е.И. Карелы: этнографический очерк. – Петрозаводск, 1991. – С. 78.

¹⁵ Курогло С.С. Семейная обрядность гагаузов в XIX – н. XX в. – Кишинев: Штиинца, 1980. – С. 140.

¹⁶ Кухаронак Т.И. Радзінныя звычэй і абрады беларусаў. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – С. 126.

¹⁷ Лебедева А.А. Значение пояса и полотенца в русских семейно – бытовых обычаях и обрядах // Русские: семейный и общественный быт. – М.: Наука, 1989. – С. 229–248.

¹⁸ Никифоровский Н.Е. Простонародные приметы и поверья... – Витебск, 1897.

¹⁹ Попов Г. Русская народно-бытовая медицина. – СПб.: тип. А.С.Суворина, 1903. – С. 404.

²⁰ Романов Е.Р. Белорусский сборник: быт белоруса. – Вильно, 1912. – С. 596.

²¹ Сицинский А. Акушерская помощь в Минской губернии (1880 – 1889). – СПб., 1893. – С. 208.

²² Смирнова М. Родильные и крестильные обряды села Голицына, Сердобского уезда Саратовской губернии // ЭО. – 1911. – № 1–2. – С. 252–256.

²³ Степанов В.И. Сведения о родильных и крестильных обрядах в Клинском уезде Московской губернии // ЭО. – 1906. – № 3–4. – С. 221–234.

²⁴ Трейланд Ф.Я. Крестильные обряды у латышей // Сборник материалов по этнографии. – М., 1885. – Вып. 1. – С. 173–205.

²⁵ Успенский Д.И. Родины и крестины, уход за родильницей и новорожденным // ЭО. - 1895. - № 4. - С. 71-96.

²⁶ Фрейдберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. - М.: Лабиринт. 1997. - С. 448.

²⁷ Чубинский П.П. Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-русский край. - СПб., 1877. - Т. 4. - С. 713.

